

Ирина НАЗАРОВА

аспирант кафедры литературы

ПУТЬ НИКОЛАЯ ФОТЬЕВА

*Не по асфальту жизнь моя катилась –
По кочкам да ухабам бытия.*

Пожалуй, никто не скажет о писателе лучше, чем его книги. Моё знакомство с Николаем Ивановичем Фотьевым началось с замечательной повести «Вы остаётесь за нас». Со страниц произведения на меня смотрел автор, уже многое переживший, но не растерявший главного – человечности, веры в свои силы, стремления никогда не останавливаться на достигнутом ни в знаниях, ни в творческом поиске. Б.А. Машук, с которым они долгое время были близкими друзьями, вспоминает: «Николай Иванович нередко заставлял меня тихо удивляться», «...разговоры о Достоевском, Пушкине, Салтыкове-Щедрине, Гоголе, Лескове, Чехове... о прозе, поэзии, драматургии вообще и о частностях в отдельных произведениях классиков» всегда вызывали желание «ещё раз перечитать читанное и вроде бы известное». Истоки этой широты и основательности кроются в детстве: «...всё откуда – от закваски, – утверждает Машук, – от крестьянской природы узнавать как можно больше из окружающего тебя, докапываться до глубины уже кем-то открытого и достигнутого, доходить до самых истоков».

Детские годы

Будущий писатель родился в крестьянской семье в 1927 году в небольшой деревеньке Малиновке, что на горном Алтае. Первые годы жизни Николая прошли на заимке деда по отцу Фотьева Фёдора Романовича. Семья была большая, хозяйство вели общее с взрослыми сыновьями и дочерьми. Работали все, даже детей с малых лет приучали к нелёгкому крестьянскому труду, поэтому нужды семья не знала. В «Автобиографии», вспоминая то время, Николай Иванович пишет: «У дедушки был добротный дом, хорошо обустроенное подворье, обнесённое заплотом из брёвен, имелось в хозяйстве несколько коров и лошадей. Была пасека». Но так длилось недолго.

Совсем скоро дед был раскулачен, и это стало одним из самых мрачных воспоминаний о детстве: «Всё пошло прахом, даже заплот был увезён в соседний колхоз. Дедушка плакал, и мне было невыносимо видеть муж-

ские слёзы». Когда оставшееся имущество разделили между детьми, они оказались бедняками. Лишившись родительского дома, в начале тридцатых молодая семья Фотьевых была вынуждена переехать в колхоз «Горный пахарь», который находился в нескольких километрах от бывшей дедушкиной заимки. Там Фотьевы прожили четыре года в совершенной нужде и затем переехали на прииск Ушпа. Срубили свою избу, завели корову, разбили огород и зажили вроде бы неплохо. В семье к тому времени было трое сыновей (дочь родилась вскоре после ухода отца на войну). Николай был старшим.

Годы, прожитые вместе с дедом и на прииске с родителями, годы довоенные, несмотря на лишения и нужду, писатель вспоминает с душевной теплотой. К этой удивительной поре своей жизни он вновь и вновь возвращается в стихотворениях. В них даже будничное событие овеяно безграничной нежностью и лёгкой грустью:

Как закрою глаза, так и вижу
Нашу избу с дымком в небеса.
Я снимаю настывшие лыжи,
Мать встречает меня у крыльца.
(«Те уроки»)

Запомнилось и другое. Отец, Иван Федорович, будучи прекрасным охотником, нередко ездил в райцентр сдавать пушнину, а на вырученные деньги, в числе других необходимых для хозяйства вещей, покупал книги. Так дома появился букварь, по которому отец учил детей чтению. Сам он читал еле-еле, по слогам (этому Иван Фёдорович научился в армии; мама тогда была неграмотная, только позже, в колхозе, она стала ходить на курсы ликбеза), и пока дочитывал фразу до конца, дети уже догадывались и произносили её полностью.

Интерес к литературе возник у Николая Фотьева тоже во многом благодаря отцу. В доме первой книгой после букваря стал томик стихов Пушкина, привезённый Иваном Фёдоровичем. Поражает, откуда в семье, по сути, неграмотной, такое страстное желание окунуться в мир искусства, постигнуть тайны художественного слова. Первое, что маленький Николай услышал из этой книги: «Си-жу за ре-шёт-кой в тем-ни-це сы-рой...», – строки, прочитанные отцом по слогам. Это стихотворение

врезалось в память на долгие-долгие годы, и с тех пор нет для Н. Фотьева писателя дороже и ближе, чем Пушкин.

Сейчас, говоря о своём литературном кумире, Николай Иванович вспоминает забавный случай, произошедший с ним в юности. Однажды в библиотеке он увидел книгу В.В. Вересаева «Пушкин в жизни», которую взял, не раздумывая. Потом каждый день подолгу держал книгу в руках, снова и снова рассматривая замечательные иллюстрации, перелистывая страницы с драгоценным материалом, и постепенно понял, что уже не сможет вернуть её обратно. Ситуация, скажем прямо, сложилась «критическая». И ему ничего не оставалось, как явиться в библиотеку с повинной. Там, как обычно в таких случаях, за «утерянную» книгу потребовали равноценную замену, чему Фотьев был несказанно рад. Позже в добавление к этому изданию были куплены и другие книги о Пушкине – Юрия Тынянова и Леонида Гроссмана.

После Пушкина он стал увлечённо читать Некрасова, Кольцова, Тютчева, а уже потом добрался до Есенина, Блока и др.

«К сочинительству тянуло всегда», – признаётся Николай Иванович. Писать начал ещё в школе. В пятом классе появилась первая басня. К её созданию подтолкнули реальные события: мальчишка, которого избрали старостой класса, почувствовал власть и стал задаваться. Маленькому Николаю Фотьеву это не понравилось: «Ишь ты, такой же, как и все, а командует». Вот так и родилась басня, навеянная сюжетами и слогом писателей XVIII века, с творчеством которых ученик пятого класса тоже уже был знаком. Её Николай Иванович до сих пор помнит наизусть и не отказывается читать:

В меху у Льва жила Блоха,
Погано чрево кровию питая,
И думала, что Льву она родня большая.
Пущает Лев свои права,
Коль племя, осмелев, шалит:
«Замрите пред двумя кровьями Льва!» –
Из шерсти выглянув, блоха кричит.

Закончив, известный баснописец от души смеётся. А читает басни он великолепно. Его Медведи, Лисы, Зайцы мгновенно оживают: каждый говорит своим голосом, со своей, особой, интонацией.

Кроме старшего Николая литературой увлекался ещё один брат – Лев. Он начинал писать стихи, но, будучи по характеру «слегка гусаром», вскоре решил, что это занятие не для него, и подался в журналистику. Вспоминая о нём, Николай Иванович шутит: «Это тот брат, который на три месяца младше меня...» На самом деле, они были погодками. Но, когда в деревне сгорела церковь, а вместе с ней и все документы, когда их позже стали восстанавливать, Николай (ему было тогда около десяти), абсолютно точно зная лишь то, что он родился зимой, вместо января 1927 года, назвал декабрь. Ошибся всего на один месяц, а получилось, что стал моложе на целый год.

Когда началась война, семья осталась без кормильца. Отец ушел на фронт, но не сразу. Вначале он работал на военном заводе в Барнауле. Мать, Кристина Иль-

инична, успела навестить его, привезла кое-какую еду и одежду. За эти годы Николай Фотьев сильно повзрослел, многому научился, потихоньку стал постигать плотницкую науку.

Позже об этих событиях своего детства амурский прозаик расскажет на страницах повести «Вы остаётесь за нас» (1974). В ней он рисует картины алтайской деревни 30-х годов, рассказывает о трудном военном детстве. Но пафос повествования не в изображении трудностей. Главное для художника – это красота труда, который делает людей духовно богатыми и требовательными к себе. Лучшие страницы повести – это рассказ о детях, которые обстоятельно, со знанием дела, не хуже любого взрослого, выполняют порученную им работу: «Главный пекарь, конечно, Генка. Так мать велела. Вот он снимает с припечка квашню, развязывает наквашенный, и в нос бьёт кисловатый вкусный, с хмелинкой запах дрожжей и хлеба. Вот квашня стоит на лавке, а в ней большая тёрка установлена. Лёшка моет картошку и червивины выколупывает, а Генка трёт. Если на треть истереть картошку, то запросто пальцы ободрать. Это уж сколько раз было. Осторожней надо. Полведра Генка изотрёт, полведра Лёшка. По справедливости. Потом главный пекарь две больших пригоршни муки бросит в квашню и веселком перемешает хорошенько, завяжет наквашенный и на шесток квашню поставит, к теплу поближе. Печь всегда тёплая. А завтра утречком, когда квашня подойдёт, надо ещё пригоршни три муки бросить и окончательно замесить. Это самая тяжёлая работа – окончательный замес».

Эта любовь и уважение к труду, «деловитость и хозяйственность во всём» сохранились у Николая Ивановича на долгие годы. Б.А. Машук, вспоминая о проведённых вместе «путях-дорогах», рассказывает: «Если мы остановимся табором, то обязательно со столом, скамейками... Хотя из жердей, но соорудит и других заставит». Сидеть без дела – не в фотьевском характере. Ещё несколько лет назад он в свободное время частенько плотничал. На берегу Зеи из брёвен, которые проплывали по реке, срубил себе сначала избу (да, настоящую русскую избу), потом баню.

Александр Филоненко, журналист «Амурской правды» и добрый знакомый баснописца, рассказывает удивительную историю: как-то раз к месту этого строительства пришли с расположенной поблизости турбазы мальчишки-рыбаки, чтобы своими глазами увидеть «настоящего» писателя. Никак не ожидая того, что прокопчённый и просмоленный плотник перед ними и есть Фотьев, спросили:

«– Дядя, нам сказали, что здесь писатель живёт. Как бы увидеть его?»

Хмыкнул «плотник», закатывая на сруб очередное многопудовое бревешко, хитровато (чисто по-фотьевски) прищурился:

– Да где-то здесь был. Обождите, увидите.

Потом, закончив паз рубить, воткнул в бревно топор, угостил мальчишек чайком, показал им, где можно червей для закидушек накопать, о житье-бытье с ними потолковал.

– А где же писатель? – ещё раз спросили в конце концов гости.

– Так я и есть писатель, – рассмеялся загорелый до черноты «плотник».

– Ну да?»

«Чего больше было в этом непосредственном детском «ну да!»? – рассуждает журналист. – Недоверия? Разочарования? А может быть, восхищения? Вот этой простотой, естественностью, умением топор в руках держать, искусством, на первый взгляд нехитрым, но многими сейчас забытым».

Студенчество

Но всё это было уже потом, в зрелом возрасте, а тогда, осенью далёкого 44-го, в деревне Шварцы Бауцкого уезда Латвии, пал смертью храбрых отец будущего писателя. В том же году Николай Фотьев закончил семь классов и отправился в Томск, чтобы поступить в индустриальный техникум. Жилось голодно, тяжело. Стены общежития защищали только от ветра, да это и понятно, ведь шёл уже четвёртый год войны. На зимних каникулах вместе с друзьями ездили домой. Дорога была очень трудной: более двухсот километров приходилось идти пешком к дому и столько же назад по страшному морозу. Большая часть каникул уходила на дорогу. Прочувшись год, Н. Фотьев вернулся в родную деревеньку сильно истощённым. По дороге домой узнал о победе: радость была неописуемая. Из всех деревенских техникумов закончили только двое, те, у которых отцы вернулись с фронта. Об этих страшных годах талантливый прозаик написал повесть «Томская зима».

Дома Николай привёл в порядок избу, помог матери по хозяйству и опять отправился учиться, только теперь уже поближе – в Бийск. Там он поступил в сельскохозяйственный техникум. Кто знает, может быть, так действительно распорядилась судьба: не захотела земля отпускать от себя потомственного крестьянина. В 48-м Н. Фотьев окончил техникум с отличием, но не это стало самым важным событием его студенческой жизни. В Бийске он впервые побывал в театре. Это оставило в его душе неизгладимые впечатления и во многом определило его дальнейшую судьбу.

Трудовые будни

После окончания техникума молодой специалист попал по распределению в Монголию. Там заключённые строили железную дорогу, идущую от Улан-Удэ до Улан-Батора. Вдоль трассы были расположены колонии с вышками и охраной. Некоторые из них были сельскохозяйственного назначения, так называемые «сельхозы». В одном из них и оказался зоотехник Н. Фотьев. В свободное время он начал писать, но немного, и в основном стихи. Сейчас писатель вспоминает об этом с улыбкой: «Как и многие, грешил ими в молодости». Одно из ранних, «колыбельно-патриотическое» («Тогда всегда всё надо было писать в таком духе, даже колыбельную»), опубликовал в «Амурском комсомольце».

На родину или, как тогда говорили, в Союз, тянуло постоянно. Поэтому, как только строительство желез-

ной дороги стало подходить к концу, Николай Иванович начал хлопотать о возвращении на родину. Он был переведён в один из лагерей под Райчихинском – сельхоз «Вятка». «Раньше там содержались японские военнопленные, от которых остались ажурные арочки и воротца, жестяные флюгерки и фазанчики. Потом там обитали наши зеки», – пишет Н. Фотьев в «Автобиографии». Вдали от родины было, конечно же, тоскливо, но, хотя и не сразу (чего уж тут греха таить), решил остаться, потому что понравились эти места. А сейчас уже, можно сказать, всей душой прикипел к амурской земле. Однако тогда среда, в которой ему приходилось работать, сильно тяготила.

Опять студенчество... Первые басни

Поэтому, как только в Благовещенске был открыт Сельскохозяйственный институт, будущий писатель решил поступать туда. Поступать не потому, что сельское хозяйство было его призванием, а просто хотелось учиться дальше, повышать свой интеллектуальный уровень.

Начиная со второго курса Н. Фотьев занимался в студенческом драматическом кружке, которым тогда руководила любительница театрального искусства, преподаватель института Клара Исааковна (фамилию её, за давностью лет, писатель, к сожалению, не помнит). Но как только она разглядела талант молодого актёра, услышала его дельные подсказки и наставления, то решила, что режиссёром должен быть он. Студент Николай Фотьев работал усердно и добросовестно: часами объяснял и показывал, как надо сыграть роль. За работу он получал по тем временам большие деньги – триста рублей.

Самое тёплое воспоминание – постановка «Женитьбы» Гоголя, в которой Подколёсина сыграл сам режиссёр. Эта роль была давней мечтой Н. Фотьева. Видимо, желание было настолько сильным, что просто не могло не осуществиться. Спектакль занял первое место на областном смотре самодеятельных театров, который проходил в стенах Благовещенского государственного педагогического института.

К сожалению, когда Николай Фотьев окончил институт, никто не стал продолжателем его дела. Бывшие театралы разъехались кто куда. С большинством из них Николай Иванович теперь уже потерял связь.

В студенческие годы Н. Фотьев уже писал и публиковал в газетах свои басни. Первая – «Учёный Индюк» – появилась в «Амурской правде». Своим рождением она во многом обязана преподавателю института, который переписывал научные рекомендации из брошюр и публиковал в газетах под своим именем. «Преподаватель узнал себя в том Индюке, – вспоминает баснописец. – Приходит на лекцию и говорит: «Читал-читал. Молодец! Похоже...» Ну, думаю, провалит теперь на экзаменах. Нет, ничего, обошлось». Начинающий автор ликовал: басня удалась.

И вновь работа...

Окончив в 1955 году институт, Николай Фотьев работал главным зоотехником Белогорской МТС (село Новинка). Затем в такой же должности в Благовещенской и Константиновской райсельхозинспекциях (1958–1960).

50-е годы для сельского хозяйства были нелёгкими. В селе происходили перемены, и крестьянину который раз приходилось менять привычный уклад жизни. Не всегда это было безболезненно: чаще обновление происходило в острых конфликтах. Возможно, именно эти обстоятельства подвигли Николая Ивановича всерьёз взяться за перо. Он, как человек, кровно связанный с землёй, не мог остаться в стороне. И уже в 1957 году был опубликован его первый сборник, который редакторы, не мудрствуя, назвали «Басни Николая Фотьева».

Возникает вопрос: а почему басня? Ведь не секрет, что в отечественной литературе жанр этот довольно редок и литераторов, работающих в нём, можно буквально перечесть по пальцам.

Сам баснописец видит в этом определённую закономерность. С детства он любил не только поэзию, но и всякого рода «театральные действия», а басня – это синтез и драмы, и поэзии, и эпоса. Сыграла свою роль и богатейшая природа Алтая, и любовь к братьям нашим меньшим. Писатель любит в этом случае цитировать В.А. Жуковского, который совершенно верно заметил, что «баснописец – сын природы предпочтительно перед всеми другими стихотворцами».

Трепетное отношение к животным, умение видеть в их поведении разумное начало привели его не только к басням. В книге «Мой путь» (2002) братьям нашим меньшим посвящено немало замечательных стихотворений. В одном из них автор рассказывает о своей встрече с хозяином тайги – медведем:

Намедни гость к землянке завернул –
Топтыгин косолапый, – видимо, на запахах.
Узрев меня, сконфузился, скулянул
И убежал за ель на задних лапах.

Его я пригласил на чашку чая,
Но он не понял – дальше побежал,
А я потом, один всю ночь скучая,
С ружьишком под боком лежал.

(«Из дневника»)

За всю жизнь таких историй с писателем произошло столько, что их хватило бы на целую книгу и даже больше. Поэтому и любит Николай Иванович при случае рассказать одну-другую. Однажды, пребывая на даче, видит он, как к его двору бежит какой-то зверёк, а сзади него развевается что-то вроде белого флажка. Как оказалось, бежала белка, а в зубах держала целлофановый кулёк с корочкой хлеба, который она умыкнула со стола летней кухоньки соседа. Кулёк она бросила, как только гавкнула соседская собака. А Николай Иванович поднял ворованное и отнёс хозяину. Только через какое-то время чувствует дачник на себе чей-то взгляд, оборачи-

вается – та самая белка. Осмелела, стоит совсем близко, смотрит на него, как будто спросить о чём-то хочет. Долго стояла, а потом, чем-то недовольная, убежала. Только через некоторое время Николай Иванович догадался, что это она его спрашивала: куда, мол, добычу дел?

Возможно, что именно любовь к природе, к животным сыграла важную роль в развитии таланта Фотьева-баснописца.

Дар баснописца довольно редкий (о чём Николай Иванович скромно умалчивает), ведь он должен быть одновременно и сатириком, и драматургом, и поэтом. Не всем это оказывается под силу, тем более в молодом возрасте. Ведь даже в аннотации к первому сборнику басен Н. Фотьева читателю разъясняли: «Баснописцами люди становятся обычно в почтенном возрасте, когда появляется уже неудержимое желание поучать других. Что касается автора этого сборника, то он, даже по самым снисходительным нормам, не дотягивает до того возраста, который может быть назван почтенным...» С тех прошло почти полвека, и писатель, слава Богу, «дотянул» и опубликовал ещё девять книг басен.

Признание к Н. Фотьеву-баснописцу пришло сразу. Ещё в 1959 году в «Амурской правде» был опубликован дружеский шарж:

Слегла овечка, захандрил ли крот –
Любой симптом ему сейчас же ясен.
Давно постиг он весь звериный род
Как зоотехник и создатель басен.

Игорь Ерёмин в одной из своих рецензий так отозвался о фотьевских баснях: «Произведения Фотьева оригинальны. Многие из них можно с полным правом отнести к образцам этого трудного жанра».

А в 1981 году на сборник басен «Глядя в корень» через Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге) был сделан запрос из библиотек Конгресса США и Гарвардского университета. Интерес, проявленный к баснописцу, свидетельствует о признании его творчества не только в России, но и далеко за её пределами.

Но, пожалуй, самое убедительное слово – слово читателя: сборник «Басни» (1969), вышедший тиражом 15 тыс. экземпляров, исчез с полок магазинов мгновенно.

Проза

Басни не мешали Н. Фотьеву одновременно творить и в прозе. И как только был опубликован первый сборник басен, он тут же сделал попытку написать роман («Ни больше и не меньше!» – с некоторой иронией вспоминает он о своих первых шагах в прозе). Произведение имело характерное название «В поле прописан». Это рассказ всё о том же времени, когда умудрённому опыту крестьянину не подсказывали, а указывали те, кто в его делах мало что понимал.

Тогда-то и затосковал Н. Фотьев и решил уходить из сельского хозяйства в газету. Многие, пожимая плечами, удивлялись. Да и было чему: всё-таки зарплата у

учёного зоотехника была раза в три больше, чем у районного журналиста. Но переубедить Николая Ивановича тогда уже было трудно. И в скором времени он стал сотрудником зейской районной газеты. После работал в «Амурском комсомольце», затем в «Амурской правде».

В «Амурском комсомольце» произошла первая встреча с Борисом Андреевичем Машуком. Он в то время уже сотрудничал с газетой, но в штат ещё принят не был. Вот как Машук вспоминает первую встречу с Фотьевым, который уже был ему известен по книге басен и нескольким газетным публикациям: «Где-то в начале шестидесятого в редакции «Амурского комсомольца» появился молодой автор в полусолдатском одеянии с несколькими страницами из главы начатой повести (речь идёт о той самой повести «В поле прописан»). Труд прочитали, пригласили «писателя» на собеседование, в ходе которого был сделан главный вывод: автор перспективен, представляет интерес, но пишет бестолково...» Тогда-то и состоялся первый разговор между будущими друзьями. «Главное, – вспоминает Машук, – разговор был доброжелательным, с пожеланием новых проб и пониманием того, что лёгких путей и успехов в творчестве не бывает». Когда Бориса Андреевича после нескольких публикаций, в том числе и первого рассказа, приняли в штат, талантливого журналиста Фотьева там уже не было: его переманили в «сельхозотдел» «Амурской правды». После были встречи на литературных вечерах, семинарах и т.д. Близкими друзьями они станут только в конце 60-х.

А в 1961 году Николай Иванович побывал на курсах журналистики при МГУ. Знания проблем сельского хозяйства оказалось недостаточно для того, чтобы быть толковым журналистом. В общем, четыре года Фотьев отдал этому нелёгкому, а зачастую, и неблагодарному труду. Но несмотря на это, газете бывший журналист до сих пор благодарен. Она расширила его жизненный кругозор, дала возможность поверить в себя. Потому-то и ушёл Николай Иванович в 1964 году на «вольные хлеба» – почувствовал уверенность.

Это опять вызвало бурю непонимания: что мешает человеку днём сидеть в редакции, а вечером писать себе для души? Но это не в характере Н.И. Фотьева: если уж отдаваться какому-то делу, то до конца, без остатка.

Так было и на этот раз. Как только он оставил работу в газете, стало известно, что в Чите состоится семинар молодых литераторов. Н. Фотьеву было рекомендовано отправить туда уже отредактированную в издательстве повесть «В поле прописан». Он, конечно, согласился, но отправлял рукопись не сам, а, так сказать, официальные посредники. А когда приехал на семинар, оказалось, что повесть не дошла до Читы и там о ней никто слыхом не слыхивал. И до сих пор автор не знает, где она и как «застряла». Очевидно, её задержали по чьему-то велению, ибо руководящие персоны в ней представлены были «не так, как надо». Пришлось участвовать в мероприятии как баснописцу (хорошо, что захватил с собой басни). Руководитель семинара Михаил Львов отметил самобытность автора и рекомендовал опубликовать работы талантливого баснописца в московском издательстве «Советская Россия».

Кроме того, Н. Фотьев и В. Колыхалов (который тоже участвовал в семинаре) были рекомендованы к принятию в СП СССР. В. Колыхалова приняли, а Н. Фотьева – нет. Может быть, потому, что в Союзе писателей уже был баснописец – Сергей Михалков. С ним Николай Иванович позже встретился в Хабаровске. Там амурский автор тоже выступал с баснями, от чтения которых слушатели были в восторге.

Незаслуженный отказ в приёме в Союз писателей – это шрам на сердце. Но Н.И. Фотьев не пал духом, и вскоре из-под его пера стали выходить новые книги басен и прозы. Эта стойкость характера писателя, скорее всего, от матери. Кристину Ильиничну он забрал в Благовещенск ещё в 50-е годы, где она и жила до конца своих дней. Когда я смотрю на её фотографию, которая заботливыми и благодарными руками повешена в комнате, я вижу её человеком добрейшей души и вместе с тем очень мужественной и стойкой женщиной. На её долю выпало немало испытаний: смерть мужа, трагическая гибель совсем ещё молодых сына и дочери. Николай Иванович, перелистывая альбом с семейными фотографиями, ласково называет её «матушкой». Он произносит это слово так проникновенно, что щемит сердце и на глаза набегают слёзы.

Но вернёмся к творчеству. В 1970 году, вскоре после того как появился сборник рассказов «Те далёкие свидания» (1968), Н.И. Фотьева всё-таки приняли в СП СССР. И тут же вежливо напомнили, что приняли не за басни! А за прозу!

Рассказы получились удивительные. Н. Наволочкин, известный дальневосточный автор, будучи тогда заместителем главного редактора журнала «Дальний Восток», в котором нередко публиковали и фотьевские произведения, так оценил эту работу: «Рисую людей, Николай Фотьев показал себя мастером «словесного портрета», интересным прозаиком... Читателю понравится сочный, образный язык автора, полюбятся многие герои его рассказов».

А другой критик, Н. Улаев, заметил, что эти рассказы открывают ещё один талант Н. Фотьева – детского писателя. И, как показало время, не ошибся. В книге «Мой путь» опубликованы забавные детские стихи. Вот строки одного из них:

Петя с Ваней в «стих» играли:
Слово к слову подбирали.
Петя говорит: – Окошко.
Ваня добавляет: – Кошка.
(«Стихи»)

Центральная тема большинства рассказов сборника – природа и отношение к ней человека. Писатель встаёт против потребительской философии «на наш век хватит». Его любимые герои – люди с «чудинкой», для которых радость общения с природой превышает будничную суету. Это высшая ценность, ради соприкосновения с которой они готовы каждый раз испытывать трудности и лишения.

Подобный тип героев надолго укоренился в прозе Фотьева. Уже будучи городским жителем, он постоянно

*«Я был студент...» (Н. Фотьев –
вчерашний выпускник)*

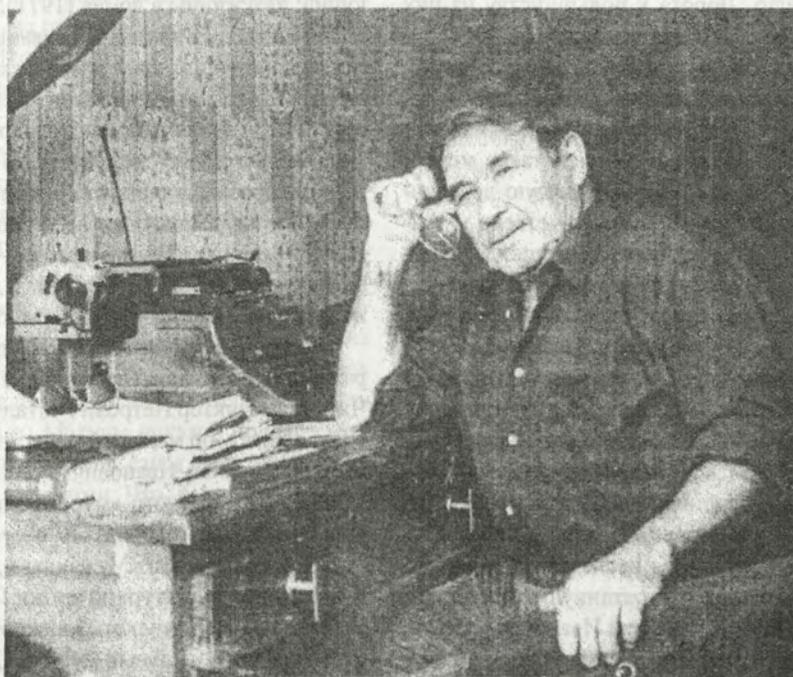
*Среди друзей. С поэтом И. Ерёминым и редак-
тором «Амурского комсомольца» Н. Одеревым*

«Мораль сей басни такова...»

«Лишь фотографии порой напоминают наши встречи...» (Слева направо: Н. Лошманов, Ф. Остроухов, Н. Фотьев, Б. Машук, И. Игнатенко)

«Ищу себя, на все ищу ответ...»

тосковал по богатым алтайским просторам, не раз воспетым им в лирике. Ещё сейчас живы детские впечатления, когда по утрам они (дети) выходили из дома и попадали в траншею из снега. Дома заваливало по самую крышу. Об этом Николаю Ивановичу напоминает картина, которая висит у него в комнате и принадлежит перу его брата – Льва Ивановича, непрофессионального художника. Именно ему посвящены строки:

Благодарю! Твои картины
Меня уносят в край родной –
Туда, где горные вершины
Сияют снежной белизной.
(«Художнику»)

Всю жизнь одолевала писателя, так же как и его героев, страсть к путешествиям:

Не на курортном взморье
Пупком в зенит лежу –
В таёжном санатории
Я отпуску провожу.
(«В отпуске»)

Очень увлекательно об этом пишет Борис Машук, который исходил с Фотьевым немало дорог. Новинка, Константиновка, Новотроицкое, Прядчино, Екатеринбург со всеми её окрестностями, Онони, Унья, Белая, Падь сухая, Корсаковский кривун, Троеречье, Амазар, Громатуха, Тупик, Горящие горы... Это лишь часть тех мест на амурской земле и не только, где посчастливилось бывать писателю. Дорога к большинству из них была не близкая и не лёгкая. Например, Онони – это речка, которая расположена почти у подножия Станового хребта, с которого и скатывается могучая Зея. «Чтобы добраться до тех мест, нужно пересечь с одного самолёта на другой, потом самолёт поменять на моторную лодку «Казанка», а её – на длиннющую деревянную плоскодонку, в которую вмещается четверо мужиков, 200 литров бензина, куча барахла, мешки с харчами... А уж добираться до самой конечной точки пришлось ногами через горы, сопки, буреломы, перекаты, в полной мере познавая, что такое бездорожье», – делится Б.А. Машук с читателями «Амурской правды». В места не столь близкие отправлялись чаще всего по зову сердца – познавать людей с их характерами, бытом, условиями жизни, открывать новые, неизведанные уголки природы. На Онони, например, заманил Фотьева тогда ещё молодой археолог, а ныне доктор наук, профессор Анатолий Мазин, собравшийся исследовать какую-то «писанину» из глубины веков, упрятанную в глухой тайге. После похода на Онони Николай Иванович написал очерк «Путешествие к писаному камню», вошедший в книгу «Земля, на которой стою». Затаённое желание всё познать, увиденное, испытанное самим сохранить в памяти и со временем описать и передать разуму и сердцу других людей никогда не покидало его.

Совместное общение с природой – одно из самых счастливых воспоминаний друга – Б. Машука: «...если

вдвоём, то на пяток дней, а то и на неделю уплывали мы и уезжали в район Корсаковского кривуна, где только начиналось строительство новой пограничной заставы. Приезжая в эти по-осеннему сказочно красивые и, замечу, очень уловистые места, мы жили в палатке на берегу Амура и с утра до вечера наматывали километры... И никто не мешал нашим разговорам с воспоминаниями, планами, мечтами, нашим вокальным упражнением. Со стороны это наверняка выглядело чудно: идут по берегу два совершенно трезвых, заросших мужика в рыбацких доспехах, болотниках и дружно тянут "...и посох свой благословляю, и эту бедную суму-уу"».

Николай Иванович очень любит хорошую музыку. В студенческие годы ему впервые пришлось услышать Шаляпина, и тогда у него «волосы встали дыбком». Потом, уже вместе с Б.А. Машуком, они часто распевали его песни. Борис Андреевич любил поправлять, говорил, что в этом месте должны быть другие слова, но Фотьев «знал Шаляпина наизусть». А когда увидел в продаже набор пластинок с его песнями, то незамедлительно купил две коробки: «себе и Машуку, пусть, мол, тоже выучит». Кроме Шаляпина, писатель ценит талант Лемешева, Михайлова, Собинова и многих других. Пытался даже самостоятельно выучиться играть на баяне: очень хотелось сыграть полонез Огинского. Один знакомый музыкант написал Николаю Ивановичу ноты, но пальцы его не слушались, поэтому, изрядно намучившись, бросил он это «гиблое» дело.

А вот «бросить» писать, как бы трудно ему ни приходилось на этом поприще, он уже не мог. И через три года после первого сборника рассказов появился следующий: «Мужчины в доме» (1971). В нём автор остался верным главным темам: воспевание красоты и величия природы, лучших качеств человека, хозяина земли, создателя. Эта тема не новая в русской литературе: в XX веке она стала центральной в творчестве целой плеяды писателей-«деревенщиков». Но особое, «внутреннее» родство прозаик чувствует прежде всего с В.П. Астафьевым. Не случайно, одно из лучших произведений фотьевской книги «Трава-мурава» – тонкое, волнующее описание возвращения человека в детство, на землю отцов – перекликается с «Царь-рыбой».

С Астафьевым Фотьев встречался не только в литературе, но и в жизни. Первая такая встреча произошла в Чите. Там Виктор Петрович читал «Коня с розовой гривой». «Читал, по меньшей мере, замечательно», – вспоминает Николай Иванович. В.П. Астафьев ещё тогда заметил самобытного амурского автора и после, приветствуя, всегда говорил: «А, басенник!»

Появление книги «Мужчины в доме» было большим событием для культурной жизни Приамурья. Ведь тогда было закрыто Амурское книжное издательство. Единственный региональный журнал «Дальний Восток» выходил раз в два месяца и имел малый объём. Возможности выхода к читателю резко сократились. Область покинули члены СП СССР Л. Завальнюк, В. Колыхалов. Николай Фотьев остался верным амурской земле. Одиночество – явление печальное, и чтобы не сломаться, не поддаться слабости, нужно было иметь очень хорошую

закваску жизнестойкости. В Благовещенске долгое время Н.И. Фотьев оставался единственным членом Союза писателей, поэтому в течение почти шести лет он ездил в Хабаровск, будучи членом тамошнего регионального отделения СП. Но как только в Приамурье появилось пять-шесть художников слова, Николай Иванович стал ходатайствовать о создании и в Амурской области своей творческой организации. Амурская писательская организация как отделение Союза писателей РСФСР была создана 17 января 1977 года.

Позже, в Москве, на заседании совета по российской прозе Правления СП РСФСР, участником которого был В.П. Астафьев, обсуждали рукопись «Горной малины» (1981) Николая Ивановича. После этого завязалась переписка. В.П. Астафьев не раз советовал Н.И. Фотьеву почаще отдавать свои рукописи в журнал «Наш современник». Но в те времена подразумевалось, что автор, дабы его произведения напечатали, должен был вести с издателями некоторую «нештучную подготовительную» работу. Писателю это претило, поэтому публиковали его в центральных издательствах редко. Зато в Хабаровском он был всегда востребован.

Именно там позже вышли «Коренные берега» (1982), «Деревенская родня» (1992) и много других замечательных произведений амурского автора.

Планы на будущее

Сегодня готовы к набору рукописи его прозаических книг «Юбилей» и «Поехали за орехами». Повесть «Юбилей» – это размышление о том, почему мы так долго шли к гласности, к открытой правде. Ведь не будь застоя, народ созрел бы гораздо раньше. Эти же мысли звучат в очерке «По старым и новым дорогам» (Н.И. Фотьев называет его генеральной репетицией перед повестью), который ещё в конце 80-х был опубликован в четырёх номерах «Амурской правды». А вот повесть нет возможности напечатать. На это нужны деньги, и причём, как известно, немалые. А их у писателя, к сожалению, нет!

Рассуждая на эту тему, Н.И. Фотьев затрагивает самые насущные и животрепещущие проблемы современности. Книга сейчас уже не оказывает на россиянина такого влияния, как в былые времена. Теперь человек больше зависит от телевидения и сомнительного кинематографа. Со стороны Москвы никакой поддержки и влияния на периферию нет. Серьёзная литература и там издаётся смешными тиражами. Что, например, для на-

шей необъятной страны тысяча экземпляров новой книги В. Солоухина «Последняя ступень»? О глубинке и говорить нечего. Надо немедленно бить тревогу, считает Николай Иванович.

К сожалению, эта тенденция не обошла стороной и областную писательскую организацию. Старейшина амурской литературы искренне сожалеет о том, что ушли в прошлое добрые традиции обсуждения рукописей, рецензирования. Поэтому он рекомендует молодым писателям побольше работать с профессиональными редакторами и быть более требовательными к себе. У Н.И. Фотьева в своё время сложились тёплые, даже дружеские отношения с редакторами М.Л. Гофманом, О.К. Мамонтовой, Н.К. Кирюхиным. И вообще, на жизненном и творческом пути писателю встречалось много хороших и умных людей.

Именно поэтому, несмотря ни на что, Николай Иванович полон творческих сил и жизненной энергии. Глядя на писателя, сидящего за массивным рабочим столом и в который раз перелистывающего рукописи, можно только позавидовать безграничной влюблённости в жизнь, увлечённости своим делом, масштабности творческих замыслов. В ближайшее время Фотьев планирует работать над итоговой книгой басен, которую составили бы его лучшие произведения.

Ещё в 1976 году Н. Фотьев сказал: «Наверное, у каждого писателя, сколько бы он ни работал, главные книги – всегда впереди...» Думается, что и сейчас автору многочисленных басен, рассказов и повестей «главными» видятся именно те книги, прочесть которые нам ещё только предстоит. Возможно, они откроют новые грани его таланта, позволят читателю окунуться в особый поэтический мир, но одно в них будет неизменным – автор, который всегда, и в жизни и в творчестве, «остаётся человеком» и стремится к тому, чтобы души других людей тоже были чистыми:

Служить кому-либо в угоду

Я по-холопски не умел.

Платил я многим за свободу,

За то, чтоб жить, как я хотел.

(«Мой путь»)

А сегодня важно то, что жизнь продолжается, уводя писателя дальше и открывая перед ним новые творческие пути и горизонты...